
Л. И. Журова (Новосибирск)

РУМЯНЦЕВСКИЙ СБОРНИК И РУКОПИСНАЯ ТРАДИЦИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ МАКСИМА ГРЕКА

Один из загадочных памятников книжной культуры XVI в. Румянцевский сборник сочинений Максима Грека (РГБ. Собр. Румянцева. № 264, в 4°, 1551–1555 г., 322 л.) занимает особое место в обширном рукописном наследии церковного писателя. В. Ф. Ржига высказывал предположение, что в нем сохранился архив писателя [Ржига, 1935–1936, с. 91; Сеницына, 1993–1994, с. 99]. Н. В. Сеницына установила, что рукопись, видимо, долгое время существовала в тетрадях и некоторые из них были утрачены. Переплет относится к концу XVI в., нумерация глав отсутствует, одни сочинения не имеют заголовков, названия других оформлены черными чернилами или киноварью, некоторые тексты надписаны автором [Сеницына, 1977, с. 175–186, 248–261].

История Румянцевского сборника скудна. Высказанное А. Т. Шашковым предположение о нахождении «тетрадок» в библиотеке Андрея Курбского [Шашков, с. 216–221] может объяснять их неизвестность русским книжникам. Слабая рецепция памятника обусловлена практически не имевшей «хождения» в книжной культуре авторской рукописи (некоторые статьи правлены рукой Максима Грека). Но результаты текстологического анализа ряда сочинений позволяют с уверенностью говорить о существовании протографа.

Состав Румянцевского сборника чрезвычайно пестр: 130 статей представляют произведения разных жанров и многообразной тематики. Во-первых, это переводные сочинения: тексты из лексикона Свиды [Сеницына, 1977, с. 67–69; Буланин, 1984, с. 68–69], святоотеческие и апостольские послания (именно переводы требуют атрибуции). Во-вторых, репрезентативный ряд литературных трудов Максима Грека сохранился в составе трех прижизненных кодексов, текстологический анализ которых позволил обосновать отношения Румянцевского сборника с Иоасафовским (РГБ. Собр. МДА/1. № 42, в 1°, конец 40-х — начало 50-х годов XVI в.) и Хлудовским (РГБ. Собр. Большакова. № 285, в 4°, конец 40-х — начало 50-х годов XVI в.) собраниями. Установлено, что сочинения Румянцевского сборника и Иоасафовского собрания восходят к общему протографу, отношения Румянцевского сборника и Хлудовского собрания вполне независимы друг от друга, эти собрания имели свои архетипы. Тексты Румянцевского сборника, как правило, сохранили первоначальные авторские варианты [Журова, 2008, с. 205–484].

В-третьих, история сочинений Румянцевской рукописи, не вошедших в авторские кодексы, то есть в Иоасафовский и Хлудовский, становится новым *моментом* рукописной традиции литературного наследия Максима Грека. Эти тексты могут быть представлены тремя группами, история которых сложилась по-разному. Первая группа составлена из сочинений, включенных русскими книжниками в состав поздних собраний (конец XVI — начало XVII в.)¹, обозначим ее как «тексты во множестве списков» (далее — *Мнж*). Вторую группу составили сочинения, известные, как правило, по двум спискам, обозначим ее как «тексты в единичных списках» (далее — *Едн*); их история интересна уникальной природой сборников. И самая сложная — третья группа текстов: сочинения, дошедшие в *единственном списке*, то есть только в составе Румянцевской рукописи (далее — *Едс*). Сопоставление истории текста трех выделенных групп стало предметом настоящей статьи.

---

¹ Сюда же должны быть включены и так называемые собрания в единственном списке, например: РНБ. Q.I.219, в 4° и 8°, конволют из рукописей XVI и XVII в.; РНБ. Q.I.220, в 4°, конец XVI в.; ИРЛИ. Кол. Першина. № 14, в 4°, вторая половина XVIII в.; и сборники смешанного состава, например: РНБ. Q.I.225, в 4°, начало XVII в.

Текстологический анализ группы *Мнж*, насчитывающей восемь сочинений Румянцевской рукописи (далее — *Р*), выявил некоторые закономерности. Одна из них состоит в том, что этих статей нет в Соловецком собрании и собраниях рогожско-думинской группы², но они вошли в собрания, представляющие следующие этапы освоения литературного наследия Максима Грека в России. Во-первых, это собрания, связанные с периодом учреждения патриаршества: Молехоновское (Paris. Man. Slave. № 123, в 4°, конец XVI в.) и Синодальное (ГИМ. Синодальное собр. № 491, в 4°, конец XVI — начало XVII в.); во-вторых, это собрания, сформированные в стенах Троицкого монастыря, где Максим Грек провел последние годы своей жизни: Троицкое (РГБ. Троицкое собр. № 200, в 1°, 20-е годы XVII в.) и Полное (РГБ. Троицкое собр. № 201, в 1°, 30-е годы XVII в.), они самые обширные по составу [Синицына, 2008, с. 70–74]³. Русские книжники провели огромную поисковую и текстологическую работу, создавая новые своды трудов Максима Грека. Безусловно, у троицких книгописцев в распоряжении были источники, нам не известные. Их происхождение может быть связано с личной библиотекой Святогорца. Но с Румянцевским сборником русские монахи не были знакомы. Другая особенность истории текстов *Мнж*, находящихся в составе собраний разных типов формирования, заключается в единообразии их текстологической картины. Следовательно, можно предположить существование единого протографа *Мнж*.

На фоне устойчивости рукописной традиции сочинений Максима Грека обнаружение вариантов и редакций его Слов становится *событием* истории авторского текста. Так, текст «Сказания против апокрифического сочинения “О рукописании грехов”» существует в двух авторских стилистических вариантах. Один из них принадлежал Румянцевскому сборнику, другой, видимо, был создан в процессе формирования Хлудовского кодекса и использован редакторами поздних собраний [Журова, 2011, с. 276–291]. В двух редакциях известно «Сказание о толковании имен и географических названий в Слове Григория Богослова» [Журова, 1995, с. 249–259].

Особенности группы *Мнж* можно показать на истории некоторых текстов. В репрезентативный ряд входит небольшое сочинение на тему слова пророка Исаии (Ис 26: 20) — «Сказание сея речи: “Ступайте, людие Моя”, и прочаа» (Л. 277–279). Оно представляет собой типичное толкование библейского текста. Максим Грек объясняет, что глагол «ступайте» в контексте высказывания пророка означает не передвижение ногами, а устройство своей жизни «сблюдением и исполнением всѣх заповѣдей Моих». Восхождение человека от добродетели к добродетели — таков путь истинного христианина. Сочинение было популярно в рукописной традиции XVII–XVIII в. Индивидуальные чтения списков всех поздних собраний и сборников имеют в основном характер писцовых ошибок. Вариантные чтения, выявленные в сопоставлении *Мнж* с текстом Румянцевской рукописи, находим всего в двух фразах:

<i>Р</i>	<i>Мнж</i>
И сему учит нас Сам о имени Исусѣ	И сему учит нас Сам Господь о имени Исусовѣ

² Первый (после прижизненного) опыт составления собрания трудов Максима Грека русскими книжниками можно видеть в истории Соловецкого собрания (РНБ. Соловецкое собр. № 494/513, 80-е годы XVI в.), которое генетически связано с Хлудовским кодексом. Затем новые подходы к формированию сводов сочинений писателя были сделаны, как показал текстологический анализ, в процессе складывания Рогожского собрания (РГБ. Собр. Большакова. № 16, конец XVI в.) и собрания вологодского архиепископа Ионы Думина (ГИМ. Собр. Уварова. № 310, конец XVI в.).

³ Рецепция Слов Максима Грека в старообрядческой книжной культуре отразилась в непростой истории Поморского собрания (списки начала XVIII — XIX в.), связанного с Троицким кодексом, которая должна стать предметом отдельного текстологического исследования.

Они могут указывать на один общий источник группы *Мнж*.

Теме обетов посвящено два сочинения Максима Грека, расположенных в Румянцевском сборнике рядом, видимо, неслучайно. «Сказание, яко достоит намъ дѣломъ исполнити наши обѣты» (Л. 205 об. — 207 об.) обращено к облигаторной теме средневековой публицистики — соблюдение заповедей Господних. В небольшом тексте «Сказания» находим множество цитат (полтора десятка). Отмечено, что характерная примета авторской речи Максима Грека в ее первоначальном варианте — множественное цитирование библейского текста и его комментирование, тогда как в сочинениях, созданных на основе наработанного опыта, писатель чаще прибегал к реминисценциям, аллюзиям, скрытым цитатам, и изложение становилось более ровным и свободным. Может быть, расценивая это «Сказание» как один из первых своих опытов, Максим Грек не включил его в прижизненные собрания.

В результате текстологического анализа установлено существование двух протографов «Сказания»: особенности первого представляет Румянцевский сборник, другой отразился во всех поздних собраниях и сборниках:

<i>Р</i>	<i>Мнж</i>
отдадите Господу нашему без всякаго извета из него же начало им священнический причет в людех еврейских («начало им» <i>вписано</i> <i>на поле почерком неосновного писца со</i> <i>знаком замены, в строке зачеркнуто</i> <i>«прошелъ»</i>)	отдадите Господу нашему из него же прошел священнический причет в людех
от вина лишняго и сикеры («лишняго» <i>вписано на поле почерком неосновного</i> <i>писца со знаком вставки</i>)	от вина и сикеры

Как видим, чтения *Р* полнее по смыслу и потому должны быть признаны более исправными. Примеры вставки, правки в *Р* указывают на работу книжника с источником, то есть архетипом, не исключена вероятность, что редактирование списка *Р* проведено по непосредственным указаниям автора. Гаплография, инверсии, механические пропуски и другие ошибки списков *Мнж* порождены писцовой практикой.

Основная отличительная черта небольшого послания некоей госпоже о посте — отсутствие названия и наличие обращения к адресату в Румянцевской рукописи, которые должны быть оценены как имманентные признаки первоначального варианта текста. Читающийся в первой фразе *Р*: «Добро есть и зѣло угодно Богу и намъ спасително, честнѣише госпоже имярек...» (Л. 208) — апеллатив «честнѣише госпоже имярек» опущен в списках *Мнж*. Но в них появился заголовок: «Сказание о разрешении обета постного». То есть в истории текста произошло замещение одного структурного элемента на другой. Такой прием редактирования известен в рукописной традиции сочинений Максима Грека⁴, и он может быть авторским. Редактирование могло быть сделано и русскими книжниками, встраивавшими сочинение в своды трудов Максима Грека, где каждая статья была озаглавлена и пронумерована, а обращения к неизвестным лицам элиминированы как неактуальные. На то, что протограф текста собраний был один, указывает, например, такое разночтение. В *Р* читаем: «И сему разсужению учит нас великий апостол Павел», во всех собраниях: «И сему учит нас великий апостол Павел». Пропуск слова в авторском тексте произошел единожды, то есть в самом протографе, и все поздние списки его повторили.

⁴ Подобный пример можно видеть в истории «Сказания о соблюдении Символа веры»: элиминируется имя адресата и заменяется заголовок (см. подробнее: [Журова, 2011, с. 213]). В рукописи РГБ. Троицкое собр. № 200 сохранился заголовок: «Сказание о разрешении обета постного», проставлен номер главы, но самого текста нет, л. 406 об. — 407 рукописи остались чистыми.

История текста других статей группы *Мнж*⁵ не противоречит полученным выводам о независимом существовании протографа *P* и протографа сочинений, вошедших в поздние собрания Максима Грека.

Группа *Едн* (как правило, это два списка одного сочинения) выделена в результате текстологического исследования рукописного наследия Максима Грека⁶. Ценность этого материала заключается в несхожести рукописной традиции этих текстов с группой *Мнж*.

Два списка «Послания Максима Грека Ивану IV» (оба без заглавия) находятся в самом Румянцевском сборнике. Р. Ф. Ржига исследовал сочинение как памятник публицистики XVI в., датировал его весной 1551 г. Он отметил, что в этом сочинении Максимом Греком высказана поддержка преобразованиям царя, реформам 50-х годов XVI в. Ученый монах, пишет Р. Ф. Ржига, «восхваляет царя как поборника правды и устроителя земли» [Ржига, 1934, с. 76–78]. Исследователь опубликовал «Послание» по одному списку (Л. 302–304, далее – *P'*), не заметив другого [Ржига, 1934, с. 117–119]. На самом деле еще один список находится в *P* на л. 292–294 об. (далее – *P*), этот текст следует сразу за «Отвѣтом въкратцѣ къ Святому събору» (Л. 288–294 об.), который правлен рукой Максима Грека и заканчивается апелляцией к Ивану IV, и, вероятно, этим обстоятельством можно объяснить соседство в рукописи «Ответа» и «Послания».

Оба списка «Послания Ивану IV» писаны одним почерком и на одной бумаге, но входят в разные тетради. Текстология таких списков-«дублеров» показала, что они не являются копиями, а восходят к общему протографу [Журова, 1996, с. 6–12]⁷.

Самой важной текстологической приметой «Послания» следует признать концовку сочинения. Список *P* заканчивается: «Аще и не сподобихся видѣти царское твое видѣние по моим грѣхом⁸, а слышаниемъ твоихъ всехвалныхъ исправленийъ и строений радости духовныя благовѣрнаго царствия (Л. 294 об.); в конце стоит точка, далее пол-листа оставлены чистыми. Список *P'* не закончен: «Аще и не сподобихся видѣти царское твое лице по моим грѣхом, а слышаниемъ твоихъ всехвалныхъ исправленийъ и строений радости духовныя» (Л. 304), далее две строки листа оставлены чистыми. Окончание текста *P'* предложил Ржига – «исполнихся»: предикат завершает фразу синтаксически и логически. Но авторский вариант, как видим, в *P* звучит по-другому. Чтения обоих списков вариантны, их анализ приводит к выводу: между списками нет прямой зависимости, в них по-разному одним и тем же писцом передан оригинал.

Самыми интересными в группе *Едн* стали три текста против предсказательной астрологии с инвариантным названием «Сказание от части 3 песни Анны-пророчицы»⁹, непосредственно указывающим на источник замысла. Такой тип заголовка следует расценить как приметку первоначального варианта текста. Анна, мать пророка Самуила (1 Цар 1: 1, 2; 2: 1–10), родив сына, произнесла знаменитую благодарственную молитву, которая часто цитируется в сочинениях Максима Грека на тему астрологии. Эти сочинения должны быть рассмотрены как составная часть противоастрологического цикла Максима Грека, который начал складываться в первые годы его пребывания в Москве. Реагируя на активную пропаганду идей Николая Булева,

---

⁵ «Сообщение об Афонской Горе»; «Сказание о поставлении иерарха»; «О страусе».

⁶ В «Проекте издания сочинений Максима Грека» некоторые произведения были отмечены как тексты, сохранившиеся в единственном списке (см.: [Синицына, 1993–1994, с. 135 (№ 1, 2), 136 (№ 3), 140 (№ 26)]).

⁷ Примечательно, что еще ряд сочинений, сохранившихся в двух списках в составе Румянцевского сборника, переписан одним почерком, но они не являются копиями, что позволяет сделать вывод об использовании книжником разных источников. Самый показательный пример представляет история текста «Послания митрополиту Даниилу» [Журова, 2008, с. 343–370].

⁸ Встреча инока и царя состоялась в 1553 г., когда Иван IV проезжал через Троице-Сергиев монастырь, направляясь «ко святому Кириллу» (в Кирилло-Белозерский монастырь).

⁹ На полях рукописи РГБ. Троицкое собр. № 318, содержащей слова Анны-пророчицы, есть автографы Максима Грека.

он в 1523—1524 г. составил два пространных послания Федору Карпову против астрологии, демонстрирующих позицию Максима Грека в этой полемике¹⁰. В состав Иоасафовского и Хлудовского собраний публицист включил четыре трактата против звездочетцев, специально подготовленных для авторских кодексов, это главы 13, 14, 36, 37¹¹. Списки двух из них («Слово поучительное о прелести звездочетцев» и «Послание некому иноку о фортуне») находятся в *P*, причем «Послание о фортуне» представляет оригинальную, начальную редакцию памятника [Журова, 2008, с. 233—242, 287—298].

«Сказание от чясти 3 песни Анны пророчицы» (нач.: «Добро и зѣло душеполезно всѣм закупѣ благочестивым ...», л. 11 об. — 14 об., далее — *Ан-1*), кроме Румянцевского сборника, вошло в состав собрания Архивное-2 (РГИА. Ф. 834. Оп. 4. № 1622. Л. 100—105 об.), выделенного Д. М. Буланиным [Буланин, 1979, с. 275—279; Буланин, 1984, с. 236—238]. Основное содержание этого сочинения составили комментарии ученого монаха к «3 песне Анны пророчицы». Начиная с установки — «душеполезно благочестивым упражняться в Божественном Писании», Максим Грек обращается к адресату, величая его как «пресвѣтлое твое благородие», с предложением принять «наслаждение духовное» от песни Анны. На интерпретации иносказаний пророчицы ученый монах выстраивает свою аргументацию против астрологических учений.

Основной результат текстологического анализа списков группы *Ан-1*: тексты не зависят напрямую друг от друга, а восходят к общему протографу. Архивный список не имеет конца, но передает ряд более полных чтений, например:

Румянцевский сборник

Собрание Архивное-2

отгонящим убо всѣх промысленика от
промысла и правления сущих: фортунаѣ же...
зѣло нечестивѣ възлагающим правление всѣх
(Л. 12)
пришедшу же Спасу... смерть волею
изволившу и вѣставшу из мертвых, силныи
дотолѣ ... съкрушися (Л. 12 об.)
дотолѣ благочестивии (Л. 12 об.)

отгонящим убо ими же мудрствуют всѣх
промысленика от промысла и правления твари:
фортунаѣ же басненей... зѣло нечестивѣ
възлагающим правление всѣх
пришедшу же Спасу... смерть волею
претерпевшу и вѣставшу из мертвых, бывше
силни дотолѣ бѣси... съкрушися
дотолѣ благочестивии христьяне

Синонимический ряд чтений характерен для стилистики авторского текста Максима Грека:

в темных пропастьех адских затворяху (Л. 12 об.)	в темных пропастьех преисподних затворяху
глаголет иносказателнаѣ (Л. 13 об.)	вѣщает иносказателнаѣ

Вторая статья *P* против астрологии, следующая непосредственно за предыдущей, не имеет названия (нач.: «Но добро зѣло и Богу благоприятно, акы душам благочестивым спасительно...», л. 14 об. — 18, далее — *Ан-2*). В отличие от предыдущего сочинения (*Ан-1*), Максим Грек в *Ан-2*

¹⁰ Преподобный Максим Грек. Сочинения. М., 2008. Т. 1. С. 171—252.

¹¹ «Слово о том, яко промыслемъ Божиимъ, а не звѣздами и колесом счастья вся человеческая устрояются» // Сочинения преподобного Максима Грека, изданные при Казанской духовной академии: В 3 ч. Казань, 1859. Ч. 1. С. 377—398; «Беседа Души к Уму по вопросу и отвѣту о еже откуда страсти ражаются, в том же и о божественемъ промысле и на звѣздочетцев» // Сочинения преподобного Максима Грека. Казань, 1860. Ч. 2. С. 52—88; «Послание к нѣкоему князю, слово поучительно, закупѣ же и обличительно прелести звѣздочетства и утѣшительно живущимъ въ скръбѣхъ» («Слово поучительное о прелести звездочетцев») // Журова Л. И. Авторский текст Максима Грека. Новосибирск, 2011. Ч. 2. С. 44—54; «Послание къ нѣкоему иноку, бывшему въ игуменѣхъ, о немецкой прелести, глаголемѣи фортунаѣ, и о колесѣ ея» («Послание некому иноку о фортуне») // Журова Л. И. Авторский текст Максима грека. Ч. 2. С. 97—105.

выступает не как комментатор, а как проповедник, выстраивающий свое полемическое слово на разнообразной аргументации. Кроме цитат и реминисценций из Песни Анны-пророчицы (их число значительно меньше, чем в *Ан-1*), он приводит свидетельства из библейских сюжетов, например, истории Моисея, Давида и Саула, доказывая, что «судбами Божиими неизреченными, а не колесом счастья и звѣздным схожением» все в мире устраивается. Обращают на себя внимание его многократные оговорки в изложении: «Аз отвѣщаю вам вкратцѣ», «Но да не в длѣготу простру слово», «Здѣ уставлю стремление слова. Сие рек к вам немного». Установка на краткое изложение может быть расценена как авторефлексия на пространные ранние послания Федору Карпову против астрологии. Упоминание Давида и Саула — это уже аллюзия к библейскому эпизоду, подробно представленному в «Послании некому иноку о фортуне» [Журова, 2011, с. 102]. Концепт всех антиастрологических сочинений Максима Грека неизменен, и в тексте *Ан-2* он выражен предельно ясно: «Премѣнения и нестроения наша случаются ова убо от беззвѣтїа нашего и безумїа многого, ова же от неправдованїа и гордости сатаниньскїа» (л. 17).

В рукописной традиции два сочинения против астрологии (*Ан-1* и *Ан-2*) разведены. Если второй список *Ан-1* был включен в собрание Архивное-2, то второй список *Ан-2* сохранился в Алтайском (Сибирском) сборнике ГПНТБ СО РАН, ОРКиР, F.IV.3 (в 1°, полуустав нескольких почерков, 1590 г., л. 183 об. — 187). Эта рукопись знаменита судными списками Максима Грека, она была составлена в книгописной мастерской Ионы Думина, проявлявшего большой интерес к творчеству Святогорца [Судные списки, с. 17; Буланин 1980, с. 174—180]. Текстологический анализ выявил ряд чрезвычайно интересных и важных чтений, отличающих список Алтайского сборника от Румянцевского, и совершенно очевидно, что существовал протограф, более полно отразившийся в сборнике конца XVI в. [Журова, 2009а, с. 11—15; Журова, 2009б, с. 5—27; Журова, 2009в, с. 68—77].

Еще одно «Сказание от чясти тое же 3 песни Анны пророчицы» (л. 22—26 об., далее — *Ан-3*) пока известно в единственном списке *P*¹². Примечательно, что в этом тексте нет ни одной отсылки к «Песням» Анны-пророчицы, не упомянуто даже ее имя. Можно предположить, что заголовок к тексту был приписан по аналогии с другими «Сказаниями от 3 песни Анны-пророчицы», в которых неоднократно названа библейская жена и приведены цитаты из ее слов. Такое «уподобление» произошло под пером одного писца: все антиастрологические сочинения в Румянцевском сборнике писаны одним почерком [Синицына, 1977, с. 177, 249].

Основная идея текста *Ан-3* — «самовластие человеческое», поэтому содержательно он близок к «Слову противу тѣщащихся звѣздозрѣнием предрицати о будущих и о самовластїи человеческом...» и «Слову поучительному о прелести звездочетцев» (36-я глава Иоасафовского собрания). В первом сочинении Максим Грек обсуждал тезис: «все, еже Содѣтелемъ всажено бысть въ человецѣ, по образу Божию создано, — самовластное свобожение разума»¹³. В «Слове поучительном...» тема изложена предельно ясно: «Мы бо самовластни изначала от Сѣдѣтеля създани бывше, властели есме своихъ дѣлъ, и благых, и лукавых»¹⁴. В «Сказании» *Ан-3*, построенном на обращении к Владыке, что придает авторской речи исповедальный тон, Святогорец признается: «Аще убо от нужды звѣзды нѣкыа злыа влеком есмь к сѣдѣванїю злых, акы нѣкыи скот безсловесен обротию обводим от господина своего, но аз николи же сложуся, Владыко, богомрѣзкому сему учительству безумных звѣздочетцов, лишающему мене самовластного дара». Адресовано слово «любезнейшим мужам», которым Максим Грек

¹² В оглавлении Соловецкого собрания (РНБ. Соловецкое собр. № 494/513, последняя четверть XVI в.) под № 78 указано: «Слово на звездочетцы от песни Анны-пророчицы», но в рукописи текста нет.

¹³ «Первое послание Ф. И. Карпову против предсказательной астрологии» // Преподобный Максим Грек. Сочинения. С. 257.

¹⁴ «Послание некому князю, слово поучительное о прелести звездочетцев» // Журова Л. И. Авторский текст Максима Грека. Ч. 2. С. 49.

предлагает «отступить убо вседушно бѣсы обрѣтеннаго учительства прелестник звѣздочетцов и прилѣпитися несумненно здравым словесем апостольскихъ предании».

Поиск прямых межтекстовых связей «Сказания» с другими статьями противоастрологического цикла положительных результатов не дал, если не считать цитат из Псалтыри, использованных Максимом Греком в Послании Федору Карпову (Пс 144: 18; 48: 13) и «Слове поучительном на звездочетцы» (Пс 144: 18–19; 10: 7). Новизна текста говорит о сильной авторской интенции в разработке темы и позволяет считать «Сказание» *Ан-З* абсолютно самостоятельным текстом. Оно композиционно строго выдержано введением внутренних границ. Так, во вступлении автор заявляет тему и ссылается на свои труды: «Понеже убо и иногда немалыми словесы, ихже списах, на таковую прелесть потщахся отставити их сея» — и предлагает «краткое писание на обличение убо лжи, а на показание благочестивых христиан нелестнаго учительства». Обозначает начало речи: «Начну же сице». Открывая основную часть своего сочинения словами «Рассмотрим сице», Максим Грек системно и очень компактно, в отличие, например, от пространных посланий Федору Карпову, излагает собственную критику лжесловцев-звездочетцев, не прибегая к прецедентному тексту (здесь нет ссылок на Иоанна Дамаскина, Григория Богослова, библейские предания), который он активно использовал в других сочинениях противоастрологического цикла. Заключение *Ан-З* типологически сходно со «Словом поучительным на звездочетцев». «Сказание» заканчивается риторическим пассажем: «Отступимъ прочее всякого преслушания и преступления святыхъ заповѣдей Господа нашего Иисуса Христа и покажимъ всяко человеколюбие и щедроты къ братамъ нашим, нищим и убогимъ». Подобный финал видим в «Слове поучительном на звездочетцев»: «Престанемъ прочее прогнѣвати Вышняго преслушаниемъ и преступлениемъ божественныхъ Его заповѣдей. Да възлюбимъ же всяку правду, и правость нравовъ, и щедроты къ нищимъ, на небо всегда сердца наша имуще, откуда же и Спасителя ждемъ, Господа нашего Иисуса Христа». Такое наставление — топика учительной речи. Находясь, как правило, в конце текста, оно тематически, стилистически, содержательно и формально узнаваемо [Журова, 2009г, с. 149].

Таким образом, исследование сочинений в единственном списке (*Едс*) осложнено рядом обстоятельств: ограниченность истории текста, возрастание роли тематического контекста (выявление группы сочинений близкой тематики), установление типологии сюжета, определение межтекстовых связей и др. Важными моментами истории текста становятся авторская и редакторская правка, глоссы и маргиналии.

Примером тому служит «Ответъ вкратцѣ къ Святому събору, о них же оклеветанъ бываютъ» (Л. 288–294 об.). Претенциозное название настраивает на воспоминания о Соборах 1525 и 1531 г., осудивших Максима Грека. Доказательству чистоты веры «истинного православного инока» и его непричастности к еретическим измышлениям посвящены многие труды Святогорца, объединенных им в прижизненных собраниях. Новый «Ответ», по предположению Н. В. Сеницыной, ученый монах составил, не исключая возможности нового Собора [Сеницына, 2008, с. 192] (он был приглашен на Собор 1548 г. в качестве свидетеля, но отказался от участия в нем). В первой части «Ответа» Максим Грек в качестве доводов против «судей моих» приводит обширный список собственных трудов: перевод Псалтыри, сочинения против «лукавого списания» Николая Нѣмчина¹⁵, «измаильской прелести»¹⁶, «еллинского безбожия»¹⁷,

¹⁵ «Слово списано иноком Максимом Греком святогорском противу лъстиваго списания Николаа Немчина, латынина» (глава 68 Хлудовского собрания) // Преподобный Максим Грек. Сочинения. С. 243–252.

¹⁶ «Слово обличительно на агарянскую прелесть и умыслившаго ея сквернаго Моамефа» (глава 8 Иоасафовского собрания) // Сочинения преподобного Максима Грека. Ч. 1. С. 77–130; «Слово о том же к благоверным на богоборца пса Моамефа, в нем же сказание и отщатси о кончине века сего» (глава 9 Иоасафовского собрания) // Сочинения преподобного Максима Грека. Ч. 1. С. 131–150.

¹⁷ «Слово обличительно на еллинскую прелесть» (глава 6 Иоасафовского собрания) // Сочинения преподобного Максима Грека. Ч. 1. С. 62–77.

«еврейского зловѣрія»¹⁸. Особо он выделил «богомерзкую арменскую ересь»¹⁹, которую «крѣпкими показании изобличих лживу и богомръзку», и «хулящих на Пречистую Богородицу млѣчанием не преминух»²⁰. Замысел своих трудов он представил так: «тѣм приготових оружия необоримаа, да сими могут загражати скверных уст их». То есть своими трудами он дал орудие в полемике с иноверцами и своей критикой лжеучения «и обличих, и до конца посрамах, и дрѣжаву благовѣрія възнесох». В целом «Ответ» — это еще один вариант его защитной речи, которую он составлял, находясь в многолетнем заточении.

Во второй части «Ответа» Максим Грек защищает себя от нового обвинения: «И вѣм убо, яко нѣщии негодуют и реченых мною акы от лица Спаса и лютѣ гнѣваются на мя, но аз бояся неложнаго отвѣта...». Этот прием — «образ глаголения от лица Спаса» — он использовал в «Слове о тверском пожаре 1537 г.»²¹, написанном, видимо, по свежим впечатлениям от трагического события, причины которого он видит в нарушении белым духовенством норм праведной жизни. Ученый монах объясняет, что в своем сочинении о страшном пожаре он «явил челоуѣколюбца Спаса, правословящагося к нам», от имени которого выступил с обличениями церковной власти. Говорить от лица Спаса — опыт многих святоотеческих писателей, использованный «в церковном обычае». В качестве примера Святогорец приводит патриарха Софрония Иерусалимского: «Вѣдома, коего убо суждения достоин аз, аще подобнѣ священному Софронию привожу Спаса, правословящагося к нам с мноюю кротостию». Максим Грек доказывает право церковного писателя говорить от имени Господа, обращаясь к сочинениям ветхозаветных пророков Амоса и Исаии, которые «глаголя, акы от лица самого Вышняго» (Ис 1: 11–15; Амос 5: 21–23), и признается: «Что убо странно мнѣ: съгласно священным пророком творю, и сам, аще подобнѣ им, привожу Спаса, обличающаго мене, окаанаго?».

Анализ авторской правки позволяет определить направленность авторской интенции: Максим Грек исправляет ошибки писцов (выделено курсивом), новых смыслов в свой текст он не вносит: «отпущена мя с благословением всея Святыя Горы по повелѣнию... великаго князя Василя Ивановича» (вписано в конец строки); исправляет текст: «Съи и аз челоуѣколюбныи и спасителныи владычнѣ разум услышав...» (зачеркивает «сам», над строкой вписывает «и аз»); «сладкими пѣннии и жрѣтвами... благоугождати Ему» (вписано над строкой). Таким образом, правка автора не создала нового варианта текста, но восстановила пропуски. Само наличие правки свидетельствует о подготовке текста либо к отправке адресату, либо, что более вероятно, к включению его в новый систематизированный свод авторских трудов.

В литературном наследии Максима Грека сохранилось два послания митрополиту Макарию. Одно из них (без названия) в единственном списке читается в Румянцевском сборнике (Л. 37–40 об.), другое не было включено автором ни в один прижизненный кодекс (может быть, оно находилось в утраченных тетрадах Румянцевского сборника), но введено русскими книжниками в состав ряда поздних собраний. Первому присущи все релевантные признаки личного послания. В тексте много безымянных титульных обращений типа «владыко святыи». Оно начинается с проскафимены «Преосвященному митрополиту Москвѣ и всея Руси господину имярек, моему же государю и владычѣ честнѣишему еже до конца земли о Господѣ поклонение творю

¹⁸ «Съвет к Собору православному на Исака Жидовина, вълхва и чародея и прелестника» (глава 45 Иоасафовского собрания) // Сочинения преподобного Максима Грека. Ч. 1. С. 51–55; «Словеса супротивна противу глав Самуила еврейна» (глава 73 Хлудовского собрания) // Сочинения преподобного Максима Грека. Ч. 1. С. 55–62.

¹⁹ «Слово на арменское зловерие» (глава 66 Хлудовского собрания) // Сочинения преподобного Максима Грека. Ч. 1. С. 169–180.

²⁰ «Слово на хульники Пречистыя Божия Матери» (глава 65 Хлудовского собрания) // Сочинения преподобного Максима Грека. Ч. 1. С. 495–508.

²¹ «Какыя рѣчи рекл бы убо к Съдѣтелю всѣм епископъ тферьскыи съжжену бывшу събрѣному храму... и какыи и отвѣщает ему боголѣпнѣ всѣх Господь...» (глава 21 Иоасафовского собрания) // Сочинения преподобного Максима Грека. Ч. 2. С. 260–276.

и цѣлование священных ног его, не смѣю бо глаголати, и преподобных рук его, дондеже еще не чисты обношу безпричастием божественных таин и помощи получитьи не достоин вмѣняем есмь». Во вступительной части Максим Грек благодарит адресата за денежное благословение и добрые слова: он приводит цитату из письма Макария: «Узы твоя цѣлуем, яко у единого от святых, пособити же тебѣ не можем». Семантика построена на болезненной для Святогорца теме оклеветания («отвѣчаю противу грѣхных клеветников моих») и просьбе вернуть причастие, причем он отрицает возможность тайного причастия. Максим Грек благодарит владыку за оценку своих трудов: «хвалишь зѣло худых моих списании и с зѣлым духовным желанием повелѣваешь мнѣ сия к тебѣ посылати», и сообщает о посылке «тетраток десять, съдрѣжаща различно нѣкое сказание и учение нужных догмат и словес душеполезных».

В заключительной части Максим Грек, основываясь на ветхозаветных словах: «Не отмъстиши дважды о том же», обвиняет своих судей: «Аз же, окаанныи, о ни едином прегрѣшении, и свидетѣль вам от мене Сердцевѣдецъ, яко не лжу вам, господам моим, трем от вас отмъщением подложен есмь, сирѣчь божественных таин непричастию, лишению возвращения еже в Святую Гору и лишению своих книг и иных нѣких житейских потреб». Он упрекает митрополита: «Обаче пособити тебѣ не можем?»», тогда как тот многих из темниц освободил, «от уз разрѣшил еси, заточенныя възвал еси, присмертныя оживил еси». С горечью восклицает Максим Грек в конце своего письма: «аз пострадах, пад в гневѣ несправеднѣм Даниловѣ». Текстуальные сходжения послания Макарию с посланием Даниилу: «Свѣсть, иже вся вѣдныи и единъ сыи Сердцевѣдецъ, яко не лжу пред Нимъ и вами, господами моими»²² — представляют повтор мотива оправдательной речи Святогорца. В целом небольшое (около 11 тыс. знаков) послание из Румянцевского сборника обращено к нескольким темам, отграниченным указателями: «Но о сих убо доволно», «Толико убо и о сем доволно», что придает деловому письму характер объемного повествования.

Контекстом ему может служить «Послание инока Максима Грека ко святѣишему Макарию, митрополиту всеа Русии» (нач.: «Небо в день убо украшает солнечныи светъ...»), сохранившееся только в поздних собраниях²³. Оно представляет собой монологическое высказывание, состоящее из пышной и пространной похвалы русскому митрополиту, изложения доказательств проповедования «грешным иноком» православной веры, просьбы о возвращении ему «даров причастия». Типы обращений в этой авторской речи разнообразнее, нежели в первом послании: «твое преподобие», «ты же, о богоблагодатне», «ты же, о божественная и освященная главо». В этом послании упомянуто имя митрополита («молитвами нашего же господина и владыки Макариа»). Сочинение датируют 1542 г. на основании авторского признания: причастия «лишень есмь... лѣтъ уже седьмнадцать». Безусловно, оно представляет собой дипломатическое послание, адресованное официальному лицу, и заканчивается традиционной формулой славы Богу и заминиванием. Но сочинение продолжено, и это продолжение (или приписка) есть основания рассматривать как новый текст.

Его начало: «Аще убо увѣщаваю о Христѣ ваше благовѣрие краткимъ симъ отвѣтомъ, и достоинъ милости, судимъ есмь вами...» — указывает на смену адресата. Максим Грек апеллирует к власти, прямых обращений к митрополиту нет, и не упоминается его имя. Поводом послужила грамота александрийского патриарха Иоакима с просьбой к Ивану IV отпустить иника Максима на Афон, она упомянута здесь. Новый текст мог быть составлен в 1545 г., когда

²² Послание митрополиту Даниилу // Журова Л. И. Авторский текст Максима Грека. Ч. 2. С. 138.

²³ Текст вошел в состав собраний: Соловецкое (РНБ. Соловецкое собр. № 497/516. Л. 327 об. — 330 об.), Молехоновское (Paris. Slav. 123. Л. 75 об. — 79 об.); Синодальное (ГИМ. Синодальное собр. № 491. Л. 537—541); Троицкое (РГБ. Троицкое собр. № 200. Л. 364—367 об.); Полное (РГБ. Троицкое собр. № 201. Л. 96 об. — 100 об.). Цит. по Троицкому собранию. Текст опубликован: Сочинения преподобного Максима Грека. Ч. 2. С. 357—367.

в Москве появляется послание иерарха церкви. Видимо, это событие и спровоцировало ученого монаха продолжить тему: «не изволите явитися преслушающе богомольца вашего вселенского патриарха, моляща вас о мнѣ». Основное содержание «приписки» — это мольба об освобождении: «Благоизволите убо, благоизволите, Господа ради, сотворите милость о мнѣ, бѣдно, дадите ми видѣти Святую Гору, молитвеницу всеи вселенней». Вполне вероятно, что соединение двух текстов («Послания» и «приписки») принадлежит русским книжникам, формировавшим своды трудов Святогорца.

Степень корреляции двух посланий Макарию (статья Румянцевского сборника и глава поздних собраний) довольно слабая, что говорит как раз о сильной авторской интенции. Деловой характер письма, написанного как ответ на просьбу митрополита, может свидетельствовать о том, что текст из Румянцевского сборника представляет первое послание митрополиту, занявшему церковную кафедру в 1542 г. Дипломатическое послание Макарию из поздних собраний — новый опыт обращения Святогорца к главе русской церкви. Защитная речь и просьба о возвращении на Афон — «бродячий мотив» посланий Максима Грека официальным лицам. Так, в «Слове к начальствующему на земли» (24-я глава Иоасафовского и Хлудовского собраний) и «Послании к самодержавному царю Ивану Василиевичу» (РГБ. Троицкое собр. № 200. Л. 354–354 об.), где Максим Грек напоминает о посланном им подношении — «маль поминокъ словесень, тетратки», снова и снова звучит надежда Максима Грека об упокоении в родном Ватопеде [Журова, 2013, с. 3–17]. Очевидно, что румянцевский текст «Послания митрополиту» был составлен до посланий Ивану IV, то есть между 1542 и 1547 г., а точнее до 1545 г.

Таким образом, изучение сочинения в единственном списке, каким является текст в Румянцевском сборнике, может быть продуктивным в сопоставлении его с другими посланиями, потому что позволяет построить дискурсивную парадигму исследования.

Большую часть сочинений Максима Грека в единственном списке, как правило, представляют личные послания: брату и другу Константину, неизвестной княгине, некоей инокине, несколько посланий неизвестному (опубликованы Д. М. Буланиным [Буланин, 1984, с. 202–211]). Дружеские послания, как правило, датировке не поддаются. Основной мотив таких писем — утешение. Свои слова, выдержанные в филофронетической интонации, писатель преподносит как «душеполезную целбу».

Два послания некоей княгине, скорбящей об умершем сыне (РГБ. Румянцевское собр. № 264. Л. 169 об. — 170 об., далее *P-81*, и л. 298–299, далее *P-123*²⁴), связаны авторской ссылкой: «Прочитай себѣ часто писание, что дотолѣ писал есмь к твоему благородию, и много утѣшение приемши» (л. 298). Инскрипт текстов отличается элиминацией имени автора во втором тексте:

Первое послание (P-81)

Благороднѣ государынѣ нашей, княини Благородней княини имярек многогрѣшныи
имярек Максим Святогорецъ, нищій чернецъ имярек много челом
богомolecъ ваш, много челом

Второе послание (P-123)

Причина новой редакции приветствия в *P-123*, видимо, в изменении авторской интенции. Первое послание написано по просьбе самой княгини, о чем Максим Грек сообщает в клаузуле: «А я тебѣ, государыня, много челом бую, по твоему прошению писал, елико Спас вразумил меня». Второе послание, видимо, было составлено по инициативе самого монаха, и заканчивает он его признанием: «И мои тѣ труды знаи и нищеты мои не забывайте, зане же и сам вас

---

²⁴ Цифры указывают на порядковый номер статьи в Румянцевском сборнике (см: Описание собраний сочинений Максима Грека XVI–XVIII вв. [Синицына, 1977, с. 257, 261]).

не забываю в моих худых молитвах». Системные отношения инскрипта и клаузулы позволяют объяснить авторский замысел.

Оба послания начинаются с пожелания здоровья княгине, но изложены они по-разному. В первом письме Максим Грек краток: «Дай Бог, государыня, за все в здравии и веселии да пребываешь»; во втором он более велеречив: «Дай Бог, государыня, здорова всегда да живешь и утѣшение да приемлешь свыше от Божия благодати и неисчетныя милости, и да отиметь от души твоея всякыя скорби и печали, и да наплѣнит тебя вѣры, любви и надѣжи, имиже возможеша отгонити всегда от себе всяко сумнение и двоедушие». Семантика посланий построена на несовпадающих сюжетах при общем мотиве утешения. В первом послании Максим Грек использовал уже известный прием говорить «от лица Господа»: «Тѣи же и говорит тебѣ так... “Сын твой възлюбленныи... живет у Меня в всяком беспечалии и тихости, радуясь и веселясь со всѣми стоящими около престола божественныя славы Моея”». И в заключение инок утешает государыню: «Ино, чадо имярек, не скръби отнюд!».

Второе послание княгине Максим Грек построил на нарративных сюжетах. В утешение скорбящей матери он привел «образцы пречудны»: историю о Клеопатре, оплакивавшей преждевременную смерть сына своего и укорявшей святого мученика Уара, и судьбу Аикасии, красотой которой был пленен царь Феофил, но она, заключает Максим Грек, предпочла «оневестить» себя Царем и Женихом Небесным, а не земным.

Таким образом, взаимодействие внутренних (мотив утешения) и внешних (жанр дружеского послания, адресат) детерминант связывают два письма, существующих в единственных списках, в Текст, имеющий общую литературную историю. В установлении системных отношений уникального сочинения с произведениями сходного тематического ряда видится перспектива дискурсивного анализа древнерусского текста, сохранившегося в единственном списке. Если смысл произведения «может расширяться через отсылки к другим текстам, содержащим тот же самый текстовый материал» [Пиккио, с. 483], то его соотносительность с денотатом сочинений одного генезиса способна восполнить недостающие звенья истории текста, сохранившегося в единственном списке. К этому феномену относятся такие статьи Румянцевского сборника, как «Слово о скоморохах», «Поучение обуреваемому в море житейском», «Слово против лютеранства», «Слово об иконах Христа и Богородицы», «Послание о францисканском и доминиканском орденах». Гетерогенные слагаемые этого раритетного собрания сцеплены культурой отношения русских книжников к рукописному наследию Максима Грека и корреспондированием авторского замысла как подготовительного этапа составления «избранного». Изучение Румянцевского сборника дает, в общем, полное представление об основных особенностях рукописной традиции литературного наследия Максима Грека.

Литература

- Буланин Д. М. Лексикон Свиды в творчестве Максима Грека // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 257–285.
- Буланин Д. М. Вологодский архиепископ Иона Думин // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 174–180.
- Буланин Д. М. Переводы и послания Максима Грека. Л., 1984.
- Журова Л. И. «Сказание о толковании имен и географических названий в Слове Григория Богослова» Максима Грека в рукописных собраниях XVI–XVIII вв. // Сургут, Сибирь, Россия. Сб. науч. ст. Екатеринбург, 1995. С. 249–259.
- Журова Л. И. «Послание Ивану IV» в составе Румянцевского собрания // Русское общество и литература позднего феодализма. Сб. науч. тр. Новосибирск, 1996. С. 6–13.
- Журова Л. И. Авторский текст Максима Грека: рукописная и литературная традиции. Новосибирск, 2008. Ч. 1.

- Журова Л. И.* Сочинения Максима Грека в системе Алтайского (Сибирского) сборника // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Отечественная история. 2009. № 3. С. 11–16 (Журова, 2009а).
- Журова Л. И.* Комплекс сочинений Максима Грека из Алтайского (Сибирского) сборника в рукописной традиции авторского текста // Археографические исследования отечественной истории: текст источника в литературных и общественных связях. Сб. науч. тр. Новосибирск, 2009. С. 5–27. (Журова, 2009б).
- Журова Л. И.* К вопросу о протографе Румянцевского сборника сочинений Максима Грека // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. 7. Ч. 2. Проблемы книжной культуры. Екатеринбург, 2009. С. 68–77 (Журова, 2009в).
- Журова Л. И.* О сильной позиции конца текста в русской публицистике XVI века // Поэтика финала. Новосибирск, 2009. С. 147–155 (Журова, 2009г).
- Журова Л. И.* Авторский текст Максима Грека. Новосибирск, 2011. Ч. 2.
- Журова Л. И.* Послание великому князю в публицистике XVI века // Рукописи XVI–XXI вв.: исследования и публикации. Сб. науч. тр. Новосибирск, 2013. С. 3–23
- Пиккио Р.* Смысловые уровни в древнерусской литературе // Пиккио Р. Slavia Orthodoxa. Литература и язык. М., 2003. С. 488–505.
- Ржига В. Ф.* Неизданные сочинения Максима Грека // Bysantinoslavica. Praha, 1935–1936. V. 6. С. 85–108.
- Ржига В. Ф.* Опыты по истории русской публицистики XVI века. Максим Грек как публицист // ТОДРЛ. Л., 1934. Т. 1. С. 5–120.
- Синицына Н. В.* Максим Грек в России. М., 1977.
- Синицына Н. В.* Проект издания сочинений Максима Грека. Offprint from Cyrillomethodianum XVII–XVIII. Thessalonique, 1993–1994.
- Синицына Н. В.* Максим грек. М., 2008. (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1162).
- Судные списки Максима Грека и Исаака Собака / Сост. Н. Н. Покровский. М., 1971.
- Шашков А. Т.* Сочинения Максима Грека в старообрядческой рукописной традиции и идеологическая борьба в России во второй половине XVII – первой половине XVIII вв. Дисс. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1982.